

Чжао Бао возмущённо ответил:

— Что за ерунда! Это просто мерзавец. Недавно он любил приходить и создавать нам проблемы, потом Бай Шаофэн его хорошенько отлупил, и из-за этого Бай Шаофэна отправили в ссылку.

Цзян Мэнлинь открыл рот, понимая, что столкнулся с важной персоной —

Кого же это Бай Шаофэн тогда избил?

Внука высокопоставленного чиновника...

Цзян Мэнлинь осторожно спросил:

— Цзян Юэ?

— Именно он!

Внук нынешнего главы ЦК, Цзян Лаобана, был известной фигурой в Имперской столице.

Он был знаменит не только своим выдающимся происхождением, но и своим эксцентричным характером.

«Я — золотая ветвь, а все остальные — грязь».

В марте Цзян Лаобан наконец оправдал ожидания и стал большим боссом. Его статус резко вырос, и, кроме своего двоюродного брата, он стал одним из главных «принцев» в Имперской столице. Но, к сожалению, за двадцать лет в столице у него не появилось ни одного настоящего друга, только подхалимы.

Это многое говорило о его характере.

Старшее поколение семьи Цзян было влиятельным, а второе поколение держалось скромно. У Старейшины Цзяна было два сына и дочь. Дочь давно уехала за границу и вышла там замуж, а оба сына занимались политикой. Один недавно был переведён в город W на должность начальника управления общественной безопасности, а другой занимал небольшую должность в Имперской столице. Цзян Юэ был единственным сыном этого мелкого чиновника из столицы.

Сын старшего брата, работавшего в городе W, считался законным наследником третьего поколения семьи Цзян, но он был скромным человеком и редко появлялся в Имперской столице, поэтому в местных кругах он был малоизвестен.

Однако, пока Старейшина Цзян был у власти, если бы он вернулся, он стал бы более законным «принцем», чем Бай Шаофэн.

В одном из кабинетов «Небесного мира» царил полумрак, воздух был наполнен атмосферой разврата и роскоши. На большом экране, установленном на тихий режим, мелькали кадры с переплетёнными телами. В комнате сидели женщины разных форм и размеров, их одежда была полураскрыта, они запрокидывали головы и стонали, покачивая своими огромными грудями, самыми маленькими из которых были размером F, и хлопали ими по лицам лежащих под ними мужчин.

Это было одно из самых желанных блюд в меню «Небесного мира» — «молочный чай».

Цзян Юэ обнимал красавицу в розовом ципао, её талия была мягкой, как весенняя вода, а нежная кожа сводила его с ума. Вдохнув аромат её духов, он улыбнулся и опустил руку вниз...

Внезапно раздался звонок телефона, нарушивший момент. Цзян Юэ нахмурился, увидев номер, и неохотно ответил. На другом конце провода раздался взволнованный голос его приятеля:

— Босс! Семья Бай снова здесь!!

Цзян Юэ мгновенно выпрямился.

Бай Шаофэн... Цзян Юэ прищурился, чувствуя, как его лёгкие наполняются гневом от воспоминаний.

Этот Бай Шаофэн не только намеренно отбирал у него столики и кабинеты, но ещё и при всех сломал ему руку! Цзян Юэ думал, что дед заступится за него, но после звонка Старейшины Бай гнев деда исчез, и он сам получил нагоняй... А Бай Шаофэн вернулся невредимым и сияющим!

Думая об этом, Цзян Юэ всё больше злился и фыркнул:

— В каком кабинете?

— Небесный, номер шесть, девятый.

Бай Шаофэн оказался гораздо более приличным, чем представлял себе Цзян Мэнлинь. Когда дверь открылась, в нос ударил сильный аромат. Цзян Мэнлинь взглянул —

Вся комната была заполнена людьми, сидящими за столом и... пившими соевое молоко!

Жёлтые волосы Чжао Бао выделялись здесь, как журавль среди кур, но, похоже, все незнакомые лица были с ним знакомы. После обмена приветствиями и представлений, последователи Чжао Бао тоже поздоровались с Бай Шаофэном.

В этой маленькой группе иерархия была чёткой. Если бы не глупость Бай Шаофэна, Цзян Мэнлинь, вероятно, никогда бы не смог войти в этот круг, даже с мешком денег.

Цзян Мэнлинь выглядел молодым, и, пока он не открывал рта, никто не мог предположить, что он был наглым негодяем. Среди всех этих старших братьев появление младшего брата вызвало умиление, и все начали проявлять заботу:

— Ой, сколько тебе лет?

— Ты уже в средней школе?

— Где работают твои родители?

Цзян Мэнлинь, разыгравшись, решил притвориться послушным:

— Мне шестнадцать, сейчас каникулы.

Ах, ах...

Все восхищённо заахали, начав жаловаться на своих непослушных кузенов. Смотрите! Смотрите, какой он воспитанный! Какое воспитание!

Те, кто пришёл с ними и был унижен Цзян Мэнлинем в баре, чуть не выронили глаза.

Приглашённые девушки, вероятно, никогда не видели таких чудаков, которые тратили большие деньги, чтобы пить свежее соевое молоко в кабинете. Они скромно сидели на полу в обтягивающих платьях с глубоким вырезом, наливая молоко и посыпая его коричневым сахаром.

Цзян Мэнлинь огляделся. Глаза парней вокруг Бай Шаофэна не могли оторваться от девушек, но, к сожалению, Бай Шаофэн в этот день вёл себя совершенно не по-хамски, как настоящий джентльмен, даже не касаясь их пальцев. Видя это, даже самые голодные не смели сделать первый шаг.

Цзян Мэнлинь понял, что Бай Шаофэн, улыбаясь с хитринкой, явно пришёл сюда не для развлечения. Сопоставив это с услышанными ранее сплетнями, он усмехнулся, чувствуя, что догадывается о чём-то.

Когда Цзян Юэ, оттолкнув охранников, ворвался в кабинет, он увидел перед собой странную картину.

Все, держа в руках горячее соевое молоко, одновременно повернулись к нему. Атмосфера в кабинете была серьёзнее, чем в лекционном зале. Даже Цзян Юэ, полный решимости, на мгновение отступил, но, вспомнив свою цель, нахмурился ещё сильнее.

Бай Шаофэн улыбнулся ещё шире.

— Ой, что с твоей рукой?

Цзян Юэ просто взбесился!

Он был красив, высокого роста, из хорошей семьи и все эти годы в Имперской столице вёл себя как хозяин. И вдруг этот злосчастный парень свалился с неба, чтобы доставить ему неприятности. Цзян Юэ, с перевязанной рукой, чувствовал себя униженным и несколько дней прятался дома, даже отцовский веник не смог заставить его вернуться в школу и снова опозориться.

Хотя Бай Шаофэн вёл себя довольно грубо, но сколько людей в комнате было такого же статуса, как он и Чжао Бао? Все, кроме них, встали, чтобы сохранить лицо, и поздоровались со «Вторым молодым господином Цзяном».

Цзян Мэнлинь не знал его, поэтому сначала не двигался, но когда узнал, все уже поздоровались.

Поэтому он не стал выделяться и просто остался сидеть.

Охранники, увидев, что люди в комнате знакомы, неловко вышли, перед уходом вежливо закрыв дверь и включив свет. Под ярким светом хрустальной люстры Цзян Мэнлинь, сидящий в стороне, стал заметен.

Так он естественным образом был обнаружен Цзян Юэ.

Цзян Юэ прищурился, рассматривая Цзян Мэнлиня.

Цзян Мэнлинь, глядя на него, покачал головой. Хотя Цзян Юэ был хорош собой — с резкими

глазами, высоким носом, сильной челюстью и подтянутой фигурой — его взгляд выдавал жестокость, которая полностью разрушала его благородный облик.

Цзян Мэнлинь, однако, был другим. Кроме своего острого языка, он не был чем-то особенным, разве что слегка симпатичным, но его спокойствие было не из тех, что можно найти в обычных семьях. Однако, сидя среди группы наследников с естественной харизмой, он действительно не выделялся.

И это раздражало Цзян Юэ.

Чёрт возьми, Бай Шаофэн и Чжао Бао, эти ублюдки, могли вести себя высокомерно, но кто этот незнакомец?

Цзян Юэ, с фальшивой улыбкой, смотрел на Бай Шаофэна, который сохранял спокойствие. На людях Бай Шаофэн редко показывал свою истинную сущность. Теперь он, прищурившись, выловил замоченные соевые бобы из воды и велел сварить их, затем не спеша приказал принести сахар. Закончив с этим, он сделал вид, что только сейчас заметил, что Цзян Юэ не сел, и с удивлением воскликнул:

— Ой, я говорю, Цзян Второй, ты же раненый, как ты можешь так не беречь себя? Быстро-быстро, кто-нибудь, уступите место Второму молодому господину Цзяну!

Все, посмотрев на него, не посмели встать.

Цзян Юэ, с перевязанной рукой, холодно усмехнулся.

<http://bllate.org/book/16657/1526592>